

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И.Ф. Нильский

**Семейная жизнь в русском расколе в
царствование Императора Николая I**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 8. С. 243-289.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѣ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(продолжение)

Изъ предыдущей статьи (¹) мы видѣли, что въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и болѣе усвоялось Поморской беспоповицій и выражалось не только въ формѣ безсвященнословныхъ, или сводныхъ, брачныхъ союзовъ, заключавшихся по благословенію родителей и наставниковъ, но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей, хотя, разумѣется, оставалось еще не мало поморцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, которые безбрачіе считали единствено правильною и законною формою жизни. Какъ же относились въ рассматриваемое нами время къ вопросу о бракѣ беспоповиціи Федосьевская, и прежде всего еедосьевщина Московская, которая, благодаря своему Преображенскому кладбищу, задавала тонъ всѣмъ иногороднимъ послѣдователямъ Ковылина?

(¹) Смотр. Христ. Чт. 1869 г. Іюнь.

Мы говорили (¹), что, еще въ концѣ царствованія Императора Александра 1-го, власть обратила свое вниманіе на развращавшее народную нравственность учение Преображенского кладбища объ обязательномъ для всѣхъ дѣствѣ и признала это учение вреднымъ, а распостранителей его подвергла суду и преслѣдованію. Гиусинъ и Таровитый — главные руководители московскихъ еедосвѣтцевъ въ то время и самые ревностные проповѣдники безнравственнаго ученія были схвачены и заточены въ Соловецкій монастырь, — за Преображенскимъ кладбищемъ усиленъ былъ надзоръ и наконецъ Федосвѣтцы, какъ безпоповцы, отвергавши бракъ, лишены были права на выборы въ общественные должности (²). При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, еедосвѣтиамъ московскимъ можно было понять, что они въ учении своемъ о всеобщемъ безбрачіи идутъ ложною, и притомъ не безопасною, дорогою. Къ сожалѣнію, лица, которымъ порученъ былъ ближайшій надзоръ за Преображенскимъ кладбищемъ, были слишкомъ податливы на деньги, а у богатыхъ московскихъ еедосвѣтцевъ этого добра всегда было много. Съ другой стороны хотя, по Высочайшему повелѣнію, Гиусина и Таровитаго должны были держать въ Соловецкомъ монастырѣ „подъ самыми строгими карауломъ“, тѣмъ не менѣе хитрые еедосвѣтцы находили случаи не только пересылать „мученикамъ за вѣру“ деньги, но и лично бесѣдовать съ ними (³). А слѣдствіемъ этого было то, что, и послѣ заключенія Гиусина и Таровитаго въ Соловецкомъ монастырѣ, влияніе ихъ на московскихъ и даже

(¹) Христ. Чт. 1867 г. часть II, стр. 994.

(²) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 66, 68—71.

(³) Собр. пост. по ч. раск. 1870 г. кн. 2, стр. 258; Кельсіев, вып. 1, стр. 63.

и ногороднихъ ѿедосѣевцевъ ве прекращалось, какъ не прекращалось среди ѿедосѣевцевъ и бракоборное ученіе ихъ. Семенъ Кузьминъ, одинъ изъ главныхъ наставниковъ Преображенского кладбища, навѣстившій Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ заточеніи, привезъ отъ „семинемнай особы“ посланіе кладбищу, въ которомъ „страждущій праведникъ“, какъ величали Гнусина его ученики, убѣждалъ своихъ бывшихъ послѣдователей не смущаться тѣмъ, что „антихристъ править царствомъ“, и твердо пребывать въ „древнемъ благочестії“, а самъ Кузьминъ, какъ наставникъ, получиль отъ Гнусина наставленіе „отверзать вхожденіе и исходженіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ“ и „разрѣшать“ своихъ духовныхъ чадъ какъ можно болѣе, чтобы они видѣли въ наставникѣ „истиннаго молитвенника о грѣхахъ своихъ“ ⁽¹⁾, т. е. получилъ наставленіе отрицать бракъ и потворствовать разврату. И нѣть сомнѣнія въ томъ, что Кузьминъ вѣрно слѣдовалъ кощунственному наставленію Соловецкаго узника. — тѣмъ болѣе, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому. Возвратившись въ Москву, Кузьминъ нашелъ, что нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенского кладбища, вѣроятно, по внушенію поморцевъ, вступили, въ его отсутствіе, въ браки и—даже съ женщинами православнаго исповѣданія, въ слѣдствіе чего нерѣдко и сами обращались въ православіе ⁽²⁾; между тѣмъ наставники, вместо того, чтобы отлучать подобныхъ нарушителей ѿедосѣевскаго устава отъ общества, довольствовались наложеніемъ на нихъ епитимій по 80 и по 100 поклоновъ въ день, при чёмъ называли ихъ

⁽¹⁾ Кельсіевъ, вып. 1, стр. 63—4.

⁽²⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 204.

„староженами“ и даже допускали въ молельни, паравиъ „съ истинными христіанами“. Такое, по выражению фанатика, „запустѣніе на мѣстѣ святѣ“ должно было вызвать со стороны Кузьмина,—усерднаго почитателя Гнусина,—самое рьяное противодѣйствіе появившемуся злу—горячею проповѣдью въ пользу дѣвства, съ разрѣшеніемъ „любиться“, какъ кому вздумается, только безъ брака. А когда, въ первые годы царствованія Императора Николая Павловича, послѣдовали распорѣженія о томъ, чтобы не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ внѣ-церковные браки, въ слѣдствіе чего пропаганда поморцевъ въ пользу брачной жизни усилилась, Кузьмину и подобнымъ ему фанатикамъ предстояла необходимость отстаивать бракоборство всѣми правдами и не правдами; въ противномъ случаѣ Преображенскому кладбищу грозила опасность лишиться многихъ изъ своихъ послѣдователей. Къ счастію проповѣдниковъ бракоборства, въ 1831 году является въ Москвѣ холера со всѣми ужасами неразгаданной и смертельной болѣзни. „Вотъ седьмой фіалъ гнѣва Божія изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры“,—заявили Кузьминъ и его помощники; но такъ какъ умирали не одни православные, а и єедосѣвцы, то проповѣдники прибавляли: „христіане забыли свои обѣты и, послѣдуя антихристу, стали вступать въ беззаконныя брачныя сплетенія и даже внѣшимъ обрядомъ, сі—есть, еретическими вѣнчаніемъ; вотъ праведная десница Всевышняго и караетъ отступниковъ“. Болѣзнь была такъ страшна, опасность смерти такъ близка, а вопли вожаковъ єедосѣвскихъ такъ сильны, что многимъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать имъ. И вотъ не только єедосѣвцы, такъ или иначе вступившіе въ бракъ, но

и многие изъ православныхъ, обольщенныхъ наставниками Преображенского кладбища, расторгали свои семейные союзы, какъ грѣшные, или по крайней мѣрѣ—неблаговременные, и бѣжали въ пріюты кладбища, ища въ нихъ спасенія душевнаго и, если можно, тѣлеснаго, и давая обѣты ко всегдашнему безбрачію. Миновала гроза, успокоились оставшіеся въ живыхъ жители древней столицы, но не почили отъ трудовъ своихъ воожаки московскаго єедосѣвскаго общества. Когда нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенского кладбища стали снова склонять слухъ свой къ проповѣди поморцевъ о необходимости брачной жизни,—они завопіяли: „не обращайтесь вспять, ратоборствуйте противъ искушений,—иначе кара Божія снова постигнетъ не хранящихъ уставовъ, которые заповѣдали намъ отцы наши“. А когда правительство, снисходительно отнесшееся къ безсвященнословнымъ бракамъ поморцевъ въ началѣ прошлаго царствованія, стало съ теченіемъ времени преслѣдовать эти браки, какъ „поселяющіе развратъ и беззаконную жизнь“,—єедосѣвскіе наставники нашли въ этомъ обстоятельствѣ новый предлогъ къ требованію отъ своихъ учениковъ жизни безбрачной. „Правильнаго брака, стали говорить они, теперь быть не можетъ, потому что нѣть нынѣ не только православнаго священника, но и учителя истиннаго и исклестнаго: а составлять бракъ общимъ изволеніемъ брачущихся и благословеніемъ родителей, по образу новопротестантскихъ сектъ (т. е. поморцевъ), противно писанію, не твердо и зѣло опасно, попеже сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ женитвамъ бывати“. Заключеніе понятно. А чтобы сильнѣе подействовать на массу, воожаки єедосѣвскіе, не ограничиваясь устными наставле-

чіями, стали писать и распространять между своими послѣдователями сочиненія, въ которыхъ развивали и доказывали тѣ же мысли. Одно изъ сочиненій съ такимъ содержаніемъ мы уже указали въ предыдущей статьѣ: это — „от словіе къ новоженамъ“. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого єедосѣвскаго произведенія, изъ котораго они увидятъ, что преслѣдованіе правительствомъ безсвященословныхъ браковъ поморскихъ, бывшее причиной того, что большая часть поморцевъ вынуждена была вѣнчаться въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, дало єедосѣвскимъ наставникамъ основаніе указывать на это обстоятельство, какъ на сильное побужденіе къ безбрачію.

Сказавъ въ началѣ, что браки поморцевъ, заключавшіеся по благословенію родителей, на основаніи „чисто-сердечнаго обѣщанія“ брачущихся „между собою предъ Богомъ и святымъ евангеліемъ“, составляются „несообразно законному основанію и ближайшее подобіе имѣютъ къ тѣмъ, кои суждены святыя церкви за беззаконные и за несущіе винусятся“, что такія сопряженія „основаны и оправдываются въ сіе послѣднее и много-бѣдственное время отъ мужей злоумышленыхъ, посредствомъ растѣннаго толкованія словесъ святаго писанія, не безъ оскорблениія всего древлещерковнаго узаконенія,“ въ сльдѣствие чего „жепящійся“ такимъ образомъ „правильно нарицаются новоженами“, потому что „новозаконіемъ составляются“, сочинитель замѣчалъ далѣе, что сводные браки поморцевъ „и существовать въ своей силѣ и законномъ образѣ не могутъ, яко законно неутвержденные, особенно, егда по обстоянію сего времени и вицѣнныхъ сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ

женитвамъ бывати. И какой опасности и сколь вели-
кимъ неудобствамъ и бѣдамъ подвержены“ вступающіе
въ подобные браки; „понеже всѣми, какъ церковными,
такъ и градскими, учрежденіями запрещаются потасовы-
е браки и осуждаются казнью, да и самое существо брачной
вещи къ своему составленію и продолженію сожитія
требуетъ публичнаго—и въ мірѣ, а не въ вертепахъ и
пропастяхъ земныхъ.... Живущимъ же въ мірѣ сколь не-
удобно есть утаити брачное сопраженіе надолгѣ,—особ-
ливо, егда рождающія дѣти возопіютъ, никого же бояся,
и егда сіи несчастныя, яко зазорныя, вмѣняются въ мірѣ,
и лишены будуть законнаго имени, права и родитель-
скаго наслѣдства.... И что тогда сотворять женящіи
между собою благословеніемъ своихъ родителей, егда
сущее начальство поишетъ о семъ отвѣта; но все, елико
ни возглашуютъ, утвердити своей законности отнюдь
не возмогутъ, понеже и въ святыхъ древлецерковныхъ
законахъ, и у вѣнчанихъ въ новоцерковныхъ и граждан-
скихъ учрежденіяхъ, сего образа“ брачныхъ сопраженій
„не обрѣтается“. И остается новоженамъ, въ случаѣ
разслѣдованій и преслѣдованій,—либо „искать свой
женидѣбъ новаго подтвержденія, за небытиемъ благо-
честиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ не-
честивыхъ и принести жертву въ веельфегорѣ образован-
ную (т. е. вѣнчаться въ церкви православной), либо
принять начертаніе сквернаго богооборца вмѣсто креста
Спасова на челѣ, либо имя онаго звѣря, ему же число
666 (т. е. принять православіе); въ противномъ же
случаѣ „страданіе предлежитъ и бѣдственное объятіе;
и сіе, замѣчалъ авторъ „отсловія,“ на самомъ опыте
довольно известно.“ Если же и удается некоторымъ изъ
вступившихъ въ безсвященнословные браки избѣжать

суда и преслѣдованія, „особливо удалившимся въ лѣсныя

улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывающими“,—это еще не доказательство правильности и законности новоженческихъ союзовъ, такъ какъ „не токмо безчинносоставныя, или возбраненыя, по правиломъ, брацы, но и самыя блудныя и предлюбодѣйныя сожитія могутъ обрѣстися въ мірѣ, кои не аbie судъ и наказаніе, или слѣдующее по закону исправленіе, пріемлють, но по времени и по случаю: но не убо законными кто почтеть до сего оныя, или оправдаетъ, за еже находятся не расторжены“.

Доказывая далѣе незаконность формы брачныхъ сопряженій новоженческихъ—„за небытіемъ священныхъ лицъ точію благословеніемъ родителей“—и сказавъ, что „во всѣхъ узаконеніяхъ, въ соборныхъ и отеческихъ правилахъ и въ чиновникахъ церковныхъ и въ градскихъ законахъ вездѣ священническому лицу благословляти и молитвою утверждати честные браки указано, родителей же благословенія къ брачному составленію нигдѣ въ законныхъ правилахъ не упомянуто“, а требуется только „созволеніе“ ихъ на бракъ, авторъ „от словіа“ продолжалъ: „самовластіи же, сі-есть, совершенный имъющи возрастъ,—и не хотящу отцу ихъ, женятся и посягаютъ законно, по силѣ градскаго закона; кто же будетъ сихъ благословляти?“ Притомъ же „не у всѣхъ чадъ родители слушаются здравствовать до совершенаго ихъ возраста, но мнози лишаются сего средства, и смертю временною оныхъ и вѣчною, сі-есть, невѣріемъ, или зловѣріемъ до конца одержимыхъ“; какое же „отъ сихъ послѣднихъ родителей можетъ истечь духовное благословеніе?“ Что же касается другой формы брачныхъ новоженческихъ сопряженій, по которой, независимо отъ родительскаго

благословенія, „сопрягавшаяся чета клялась еще предъ всемогущимъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ во всю жизнь ложе свое хранить безпорочно и свято“, — то авторъ „отсловія“, пазвавъ эту форму „странною“, замѣчалъ: „здѣ указать прилично слѣдующее: всѣмъ извѣстно, что мало такихъ новозаконныхъ браковъ, кои бы и сицевымъ образомъ совокуплялися, но и того меныше видится, чтобы сицевыя сопряженія до конца устояли въ своемъ образѣ. На самомъ опытѣ видно, что большая часть, согласясь между собою, кромѣ воли родительской и совѣщенія, аще иѣціи и подъ властію тѣхъ, творятъ свою женитву блудосоставнымъ образомъ, или тайно похищаютъ себѣ дѣвицѣ, уводя изъ домовъ родителей съ великимъ сихъ оскорблениемъ, а для избѣжанія законной казни и дабы дать видъ брака своему сочетанію, прѣбывають къ веельфегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія, покупая себѣ погибель и защиту оттуду и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти, и, принявше отъ сихъ письменное свидѣтельство, бывають безопасны.“ Другое, по словамъ бракоборца, „чувствуя неподверженство“ безсвященнословныхъ браковъ „и не взирая на велеумное своихъ родителей и законниковъ мудрованіе, признаются за необходимую нужду укрѣпляти свои сожитія виѣшнимъ обрядомъ, си есть, еретическимъ виѣчаніемъ и благословеніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли быть душевреднымъ“. Сказанного, по мнѣнію автора „отсловія“, „довольно къ ясному понятію о новоженящихся различнымъ образомъ и о силѣ родительского въ брацѣ благословенія и о самой ихъ новой формѣ и проч., сколь все то недѣйствительно и незаконно и по основанію

педостовѣрно и въ существованіи неблагонадежно, паче же и бѣдоносно сицевое новоженство: и самая — рѣдкость женяющихся сею формою есть тому доказательствомъ⁴.

Нельзя не сознаться что пріемъ, чь которому прибѣгли ѿедосѣевскіе вожаки, для убѣжденія своихъ учениковъ въ необходимости безбрачія, былъ довольно искусный. При глубокомъ отвращеніи къ церкви православной, истому послѣдователю Преображенского кладбища оставалось одно средство обзавестись семьей, — это — вступить въ бракъ безсвященномъсловный, или сводный, по примѣру поморцевъ; но такой бракъ, замѣчали ему ревнители безбрачія, незаконенъ не только „по суждению святых церкви“, но и по суду „градскаго закона“, преслѣдующаго такія сожитія. Что же остается послѣ этого дѣлать, спрашивали своихъ наставниковъ молодые ѿедосѣевцы и ѿедосѣевки, опущавшіе въ своихъ жилахъ кровь, и притомъ горячую? „Не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣнивающи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ“ (¹), — былъ отвѣтъ ѿедосѣевцамъ — мужчинамъ. „Дѣство каждый сохраняй, тайну брака не познай, — сколько хочешь — народа, только за мужъ — не ходи, — насы отцы за грѣхъ просятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ“ (²), — такъ успокаивали старые развратники молодыхъ ѿедосѣевокъ — дѣвицъ и женщинъ. Эти отвѣты были даны не Гнусинымъ и Таровитымъ, по они до юты согласовались съ

(¹) „Негина“, — соч. издан. за границей, кн. 2, 1867 г. листъ 67.

(²) „Дѣственника — ѿедосѣевка“, — соч. Андреана Сергеева, — въ сбори. бракобор. сочин., находящихся въ публич. библіот. № 30.

ученiemъ о бракѣ и семьеъ указанныхъ изувѣровъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительного въ томъ, что и въ рассматриваемое нами время семейная жизнь большинства московскихъ єедосѣвцевъ представляла тѣ же дикия явленія самаго грубаго разврата, какія совершились въ жизни послѣдователей Преображенскаго кладбища—въ то время, когда ими непосредственно руководилъ „гражданинъ всей Россіи“ Гнусинъ съ своимъ „лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ—Ванькою Федотовымъ“ Таровитымъ. По свидѣтельству Андреяна Сергеева, зорко слѣдившаго за жизнью своихъ противниковъ и хорошо знавшаго всѣ закулисныя тайны ихъ,—московскіе єедосѣвцы въ рассматриваемое нами время составляли „седмиглавое общество“ и дѣлились на слѣдующія группы: на дѣственниковъ, староженовъ, половинки, новоженовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоженовъ. Подъ дѣственниками Сергеевъ разумѣлъ тѣхъ изъ єедосѣвцевъ, которые отрицали бракъ и признавали законнымъ одно дѣство, но въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“ предавались „любострастію“, въ надеждѣ на покаяніе и разрѣщеніе отъ отцевъ духовныхъ. Старожены—это—лица, вступившія въ бракъ до перехода въ єедосѣвскій расколъ; одни изъ нихъ, давши обѣтъ цѣломудрія, вели себя воздержно и не смѣшивались съ своими женами, хотя и жили съ ними въ однихъ домахъ „по гражданству“, т. е. чтобы скрыть отъ общества свой переходъ въ бракоборный расколъ; другіе, не смотря на данный, при вступленіи въ секту, обѣтъ чистоты, продолжали жить съ своими женами на правахъ мужей, но за чадородіе подвергались разнаго рода епитиміямъ, а за четвертое рожденіе и со всѣмъ отлучались отъ общества. Половинками назывались такіе брачные

союзы, въ которыхъ одно лицо (и по преимуществу—женское) принадлежало къ едосѣвщикамъ, а другое (мужъ)—къ православію; по правиламъ едосѣвскимъ, такие браки, заключавшіеся болѣею частію въ церкви православной, „отречены и уничтожены“ и „суть, по словамъ автора „отсловія къ новоженамъ“, „зnamенія втораго Христова пришествія“, или—такіе беззаконные браки, какими были браки сыновъ Божіихъ съ дщерьми человѣческими, за которые Господь истребилъ родъ человѣческій потопомъ (¹). Если же лицо православное переходило потомъ въ расколъ, его послѣ перекрещиванія разводили съ лицемъ, принадлежащимъ къ едосѣвщикамъ, и если напр. это былъ—мужъ, онъ считался, какъ староженъ, законнымъ, а жена его, какъ новоженка, признавалась блудницей; рождать дѣтей такому старожену отъ жены—новоженки запрещалось, а „за измѣненіе дѣвственной обязанности“ онъ подлежалъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за чадородіе и всѣ вообще старожены. *Новоженами* считались тѣ изъ едосѣвцевъ, кои открыто жили съ одною какою-либо женщиной па правахъ мужей, по взаимному согласію между собою, безъ всякихъ впрочемъ формальныхъ обязательствъ; по вѣрѣ едосѣвцевъ, такие союзы—явный блудъ, мужчина—любовникъ, а женщина—любодѣйка; „по гражданству“, т. е. во мнѣніи людей стороннихъ, они были мужъ и жена и дѣти ихъ считались законными; по правиламъ едосѣвскимъ, такие лица находились въ постоянномъ отлученіи отъ общества, и только предъ смертію „сочетавались съ церковію съ показаніемъ блудническимъ“; отъ этого едосѣвцы—новожены, отвергнутые своимъ обществомъ, дѣлались

(¹) Быт. VII, 1—7; снес. Ме. XXIV, 37—42.

иногда совершенно равнодушными ко всему религиозному и впадали въ безвѣріе; нерѣдко предавались не-трезвой и развратной жизни, считая женъ своихъ наложницами, отъ чего союзъ семейный часто расторгался, особенно если не было дѣтей, а „духовные отцы“ одобряли подобный разводъ⁽¹⁾. *Дѣвокожены*—это—молодые, холостые ѿедосѣевцы, жившіе въ тайной связи съ дѣвицами, съ которыми вступали въ сожительство „по взаимному началу предъ Богомъ— жить супружески, а въ публикѣ и въ обществѣ считаться безбрачными и дѣтей подкидывать“. Эти лица, какъ безбрачные, не отлучались отъ общества ѿедосѣевскаго и только предъ смертію каялись предъ каставниками въ своемъ сожительствѣ, какъ блудъ. Были впрочемъ между дѣвокоженами и такие, которые „имѣли сожительство семейственное, въ гражданствѣ же по пачпортаамъ и билетамъ“ значились „дѣвица“ и „холостой“; дѣти считались,—„зазорными“, или незаконно рожденными, и находились „при матери“, а отецъ ихъ трактовался человѣкомъ „безъ жены и безъ дѣтей“; въ народѣ они слыли за мужа и жену, а въ обществѣ ѿедосѣевскомъ признавались явными блудниками и до смерти находились въ отлученіи. *Тайножены*—это—тѣ изъ ѿедосѣевцевъ, кои „для общей плотской жизни втайне“ сходились „вдовцы съ дѣвицами, холостые со вдовицами—по домашнему началу предъ святыми иконами“, давая обѣщаніе другъ другу „почитать себя якобы въ союзѣ супружескомъ, увѣряя другъ друга: я твой, а ты моя, и она взаимно: я твоя, а ты мой, и хранить сіе втайне, никому о семъ не объявляя; въ публикѣ показываться безбрачными, жить въ раздѣльности, посѣщать другъ друга какъ

(1) Петор. мин. внутр. дѣл,—кн. 8, стр. 635.

можно сокровеніе, подъ видомъ дружества, или знакомства, а дѣтей подкидывать". Эти лица не только не отлучались отъ общества ѿедоſтевскаго, но даже „одобрялись, на исповѣди духовниками“ за то, что „въ супружествѣ законномъ не числились“. Наконецъ были въ разматриваемое нами время между московскими ѿедоſтевцами и такие мужчины и женщины, которые, не желая стѣснять себя „обязательнымъ союзомъ“, ставили себѣ правиломъ: „каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить“; этихъ-то безпardonныхъ развратниковъ и развратницъ и называлъ Сергѣевъ „многоженами“, или „проклятыми магометанами“; одни изъ нихъ подкидывали своихъ дѣтей, другіе оставляли ихъ при материахъ—„дѣвицахъ и вдовицахъ“, въ качествѣ незаконно рожденныхъ, а „иѣцы имѣли и дѣтогубленіе отравою“. Тѣ изъ многоженовъ, кои умѣли вести дѣда свои осторожно, находились „въ соединенности церковной, яко цѣломудренные и чистаго житія“; а неумѣлые и явные развратники „точію въ подозрѣніи“ были и хотя „подлежали“ вѣкоторымъ „взысканіямъ церковнымъ“, но „въ числѣ ревностныхъ и твердыхъ христіанъ являлись“⁽¹⁾. Такимъ образомъ, и въ разматриваемое нами время, какъ и при Гнусинѣ, начала, которыми руководилось и жило большинство московскихъ ѿедоſтевцевъ, были слѣдующія: дѣвство на словахъ и полный развратъ на дѣлѣ, безбрачіе въ теоріи и самое

(1) „Дѣственница—ѳедоſтевка“,—соч. Андреяна Сергѣева; это сочиненіе, находящееся въ сборникѣ братобор. сочин. публ. бабл. подъ № 30, мы читали еще въ сборн. библ. покойнаго митропол. Григорія № 154; здесь оно помѣщено въ двухъ, иѣсколько различныхъ по выраженіямъ, редакціяхъ; первая на л. 264—268; вторая на л. 271—278; вторая редакція подиже, за то первая яснѣ.

разнообразное наложничество на практикѣ. Это—худо, во въ скоромъ времени открылись въ московской ѿедо-свѣщеннѣ явленія еще болѣе возмутительныя.

Мы видѣли, что въ числѣ разныхъ формъ, въ которыхъ проявлялось ѿедо-свѣтское безбрачіе, было, между прочимъ, новоженство. Хотя новоженство ѿедо-свѣтское было не больше, какъ открытое наложничество, тѣмъ не менѣе наставники Преображенского кладбища смотрѣли на него очень неблагосклонно. Новоженъ, избравшій себѣ для сожительства одну, любимую имъ, женщину и открыто признавшій ее, по крайней мѣрѣ „по гражданству“, своею женою, а дѣтей, прижитыхъ съ нею, оставлявшій при себѣ, какъ своихъ, очевидно, уже de facto отдѣлялся отъ ѿедо-свѣтской общины, такъ какъ отвергалъ дѣвство, какъ обязательный для всѣхъ законъ, и склонялся на сторону жизни семейной; а это было уже значительнымъ шагомъ въ пользу признания необходимости брака. И вотъ, видя, что новоженство болѣе и болѣе распространяется между послѣдователями Преображенского кладбища, и опасаясь, чтобы оно не повело „малодушныхъ“ къ дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу жизни брачной, пѣкоторые изъ „лютыхъ“ московскихъ бракоборцевъ, желая внушить своимъ ученикамъ омерзѣніе къ браку, семье и дѣтямъ, стали проповѣдывать,

„Что къ зачатью человѣка, иныѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ Творецъ не посыпаетъ, самъ діаволъ помышляетъ,
Сатана зиждетъ людей, множество числомъ семей“.

Прочитавъ эти вирши, разоблачающія изувѣрный взглядъ ѿедо-свѣтцевъ на семью со всѣми ея послѣдствіями, мы думали сначала, что Андреянъ Сергѣевъ, которому принадлежать означенные стихи, въ жару

споровъ съ бракоборцами, увлекся, впалъ въ преувеличение и за тѣмъ для краснаго словца, или вѣраѣ: для риемы, позволилъ себѣ клевету на своихъ противниковъ, и никакъ не хотѣли допустить, чтобы єедосѣвскіе вожаки, какъ ни дико ихъ ученіе о бракѣ, могли такъ изувѣрно толковать о современному происхожденіи на свѣтъ Божій грѣшнаго человѣчества въ лицѣ ни въ чемъ невиноватыхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, несомнѣнныя данныя убѣдили насъ, что Сергѣевъ, изображая въ своей „дѣственнице—єедосѣвкѣ“ воззрѣнія на бракъ, нравы и обычаи бракоборцевъ московскихъ, не сочинялъ, а писалъ съ натуры, и что дѣйствительно некоторые изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища въ 40 годахъ настоящаго столѣтія стали учить, будто нынѣ—въ царство антихриста—умноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ Божій съ душою, даною ему діаволомъ. Около 50 годовъ найдена была на Преображенскомъ кладбищѣ тетрадь, содержавшая въ себѣ, такъ сказать, исповѣданіе вѣры послѣдователей Ковылина. Въ этой тетради, имѣвшей заглавіе: „отеческія завѣщенія изъ книги пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича“, находились, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднился и настало царствованіе антихриста (пун. 1-й); бракъ отъялся и запретился (пун. 3); къ зачатію младенца душа отъ діавола (пун. 9-й); христіане брачашіеся суть змѣино гнѣзище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище (пун. 10-й); въ бракахъ христіянскихъ (т. е. єедосѣвскихъ сожитіяхъ) родства

тѣлеснаго не признавать (пун. 11-й); о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана" (пун. 12-й)⁽¹⁾. Мы не знаемъ, кто былъ этотъ Сергій Семеновичъ, оставившій Преображенскому кладбищу такое страшное наслѣдство⁽²⁾, но то несомнѣнно, что въ 40-хъ годахъ преемники Ковылина въ своемъ учениціи о бракахъ руководились пунктами „отеческихъ завѣщаній“, такъ какъ найденная тетрадь была подписана старшимъ попечителемъ Преображенскаго кладбища и тѣмъ какъ бы признана за руководительное начало для его послѣдователей. Къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести московскую еедосвѣщенію ученіе, основанное на указанныхъ пунктахъ, понять не трудно. Если зачавшемуся во чревѣ молодой еедосвѣвки ребенку посыпаетъ душу діаволъ, а не Богъ, то что же препятствуетъ стыдливой дѣйственницѣ лишить его жизни, если не до рожденія, такъ по крайней мѣрѣ — по рожденію? Вотъ

(¹) Голосъ 1866 г., 9 ноября, № 310; Раскольники и острожники — Ливакова 1868 г. стр. 266—7.

(²) Судя по изувѣргству указанныхъ пунктовъ, можно думать, что „отеческія завѣщанія“, которыми руководились въ своей жизни преображенцы въ прошлое царствованіе, принадлежать той же „семинименной особѣ“, которая своимъ ученицамъ повѣргала въ развратъ московскую еедосвѣщенію въ первой четверти настоящаго столѣтія, т. е. Гиусину, который, какъ известно, иногда назывался Сергіемъ и оставилъ послѣ себѣ сочиненіе подъ названіемъ: „пандектъ“ (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 69; Катал. Люб. стр. 62 № 174; Кельсіевъ вып. 1, стр. 42). При такомъ предположеніи остается одно недоумѣніе: Гиусинъ Любопытный называется по отечеству Ивановымъ (сборн. для истор. стр. т. 2, вып. V, прилож. стр. 142), между тѣмъ какъ писатель „отеческихъ завѣщаній“ величается „Семеновичемъ“. На письменный вопросъ нашъ объ этомъ предметѣ, о. іеромонахъ Павелъ (Пруссій) отвѣчалъ, что „отеческія завѣщанія не принадлежать одному автору и не въ одно время составлены, но въ разныя времена на разныхъ еедосвѣскихъ сходищахъ“, и что „въ нихъ содержатся разныхъ настоятелей мнѣнія о управлѣніи еедосвѣства по вышеннему времени, а больше входитъ въ ихъ составъ время Гиусина, есть и цольские статьи“.

и объяснение, почему, при обследовании Преображенского кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное количество—не рыбъ большихъ, а утопленныхъ ѿедосѣевскихъ младенцевъ ⁽¹⁾. Если дальше въ бракѣ, какъ бы онъ ни былъ заключенъ, нѣтъ, по мнѣнію изувѣровъ, тѣлеснаго родства, то что мѣшаетъ пожилому ѿедосѣевцу утолить похоть свою съ красивой, молодой девицей, родившейся отъ женщины, бывшей когда-то его стряпухой (кухаркой) и вмѣстѣ подругой („сударкой“)? Вотъ вамъ и готова, такъ называемая, „отцовщина“, по правиламъ которой, трудящемуся подобаетъ прежде вкусить отъ плода своего ⁽²⁾.

Но говорить: „нѣть худа безъ добра“. Такъ случилось и въ настоящій разъ. Указанные нами пункты „отеческихъ завѣщаній“, которыми наставники Преображенского кладбища хотѣли остановить развитіе въ московской ѿедосѣевщинѣ семейной жизни, хотя бы въ видѣ новоженства, были до того противоестествены и дики, до того противорѣчили здравому смыслу и физической природѣ, что на многихъ они произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого ожидали отъ нихъ „лютые бракоборцы“. Масса, люди невѣжественные и грубые до животности, мастеровые и рабочіе, трудившіеся изъ-за куска хлѣба на фабрикахъ богатыхъ московскихъ ѿедосѣевцевъ,—„призрѣнцы“ богадѣлennые, жившіе подаяніемъ кладбища, шли, какъ стадо скота, по пути, который указывали имъ ихъ „кормилицы“. Жена и дѣти были въ тягость этимъ бездомнымъ голышамъ, и они съ восторгомъ слушали про-

⁽¹⁾ Голосъ 1866 г. № 310.

⁽²⁾ Кельсіев. вып. 4, стр. 22—3; Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 642.

повѣдь какого-либо наставника — калеки о томъ, что нынѣ „бракъ отъяся и запретися“, что „къ зачатію младенца душа дается отъ діавола“ и что, въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“, можно дозволить себѣ „паденіе“, и даже хоть съ сестрой, если нѣть средствъ для пріобрѣтенія ласкъ сторонней женщины; „понеже въ нынѣшнихъ бракахъ родства тѣлеснаго нѣтъ“, и притомъ „за грѣхъ отцы простятъ“ и даже „въ райско мѣсто помѣстятъ“. Не то могли и должны были чувствовать, слыша подобную проповѣдь, лица болѣе или менѣе развитыя, еще не убившія окончательно развратомъ своей совѣсти и своего человѣческаго достоинства,—люди состоятельный, которымъ только и недоставало въ жизни семейныхъ радостей и которые занимали въ обществѣ видное положеніе, — особенно новожены єедосѣвскіе, имѣвшіе уже дѣтей, которыхъ такъ позорили „отеческія завѣщація“, — по преимуществу же—женщины—єедосѣвки, которыя, если не умомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ женскимъ инстинктомъ, понимали всю гнусность и жестокость роли, какую пришлось бы имъ занять, въ случаѣ „бременощенія“. Всѣ эти лица ясно увидѣли теперь, что бездна, въ которую хотятъ ввергнуть ихъ разные Семены Кузьмины, Сергіи Семеновы, Макары Стукачевы и подобные имъ, можетъ привести только къ безднѣ преисподней. И стали эти люди, оскорбленные своими вожаками въ самыхъ завѣтныхъ и дорогихъ для нихъ чувствахъ, колебаться въ своей преданности Преображенскому кладбищу, которое такъ дерзко и безжалостно хоронило семью и ея радости, — и начали искать они выхода на свѣтъ Божій изъ-за мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, въ которыхъ Ковылинъ и его преемники хотѣли создать особое темное царство—съ

особыми безнравственными нравами. Не легка была эта борьба свѣта со тьмой, добрыхъ и законныхъ чловѣческихъ стремлений разумнѣйшихъ московскихъ єедосѣвцевъ съ „злыми и лютыми“ правилами, которыхъ старались навязать имъ ихъ темные вожди. Но на помощь добру явились благопріятныя обстоятельства—виѣшнія, и оно мало по малу восторжествовало надъ зломъ.

Мы уже говорили, что еще въ 1820 году Преображенское кладбище обратило на себя вниманіе правительства—своими вредными правилами и, между прочимъ, тѣмъ, что проповѣдывало „неповиновеніе къ властямъ и закону и разращеніе браковъ“. Тогда же Высочайше повелѣніо было Гнусина, разсѣявшаго вредное ученіе, отыскать и предать суду. Съ тѣхъ поръ правительство стало постоянно следить за этимъ „гнѣзломъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей“ и употреблять всѣ средства къ ограниченію зла, которое таилось въ немъ. Въ 1823 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе съ слѣдующими предписаніями: а) метрическихъ книгъ по преображенскому богадѣльному дому не заводить, дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества, а завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ, въ которые вступающихъ въ оный вновь вносить немедленно и въ которыхъ отмѣтить выбывающихъ; полиціи же сіи списки повѣрять и наблюдать неослабно, дабы не записанные въ списки, также не имѣющіе о себѣ законныхъ видовъ, отнюдь въ семъ домѣ не проживали, а если таковые окажутся, то непремѣнно подвергать ихъ сужденію по законамъ; б) вступленіе кого-либо вновь въ єедосѣвскую секту ни въ какомъ

случаѣ, на основаніи законовъ, коими строго воспрещается кого-либо изъ православія обращать въ расколъ, дозволеннымъ не почитать, а потому если откроются таковые соблазнители, то оныхъ безъ всякаго послабленія предавать суду; в) посилку существованіе Преображенскаго дома допущено правительствомъ въ качествѣ богадѣльни, но учредители вместо полезнаго и богоугоднаго заведенія сдѣлали его гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей, то впредь мѣстному начальству съ точностю держаться первоначальнаго устроенія сего дома и поступать съ нимъ, какъ съ богадѣльнею, и не допускать, чтобы онъ присвоилъ себѣ какія-либо права, какъ заведеніе раскольнической секты; г) посему пріема подкидышей обоего пола не возбранять, но воспитывать ихъ въ домѣ только до четырнадцатилѣтняго возраста, а затѣмъ попечитель дома обязанъ отпускать, или пристроить ихъ въ онаго; д) престарѣлыхъ принимать также не возбранять, но притомъ возрастъ престарѣлости считать не менѣе пятидесяти лѣтъ; е) больныхъ принимать до излеченія, полиціи же наблюдать, чтобы подъ названіемъ больныхъ не проживали въ домѣ здоровые для другихъ видовъ; ж) моленныхъ и келій въ Преображенскомъ домѣ не умножать и з) попечителя дома правительству имѣть въ виду одного, который бы отвѣтствовалъ военному генераль-губернатору и полиціи за то, что въ домѣ ничего нѣть противнаго общественному порядку и настоящимъ положеніямъ (¹).

Уже одни эти правила довольно ограничивали свободу Преображенскаго кладбища, запрещая ему совращать православныхъ въ расколъ и позволяя держать

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 78—80.

въ пріютахъ только малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлыхъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, указанныя правила были усилены новыми распоряженіями, болѣе и болѣе стѣснявшими гнѣздо єедосѣевскаго московскаго раскола въ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Такъ 26 мая 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—оставить на Преображенскомъ кладбищѣ изъ наличныхъ подкидышей только тѣхъ, коимъ было въ то время менѣе трехъ лѣтъ; тѣхъ, кои имѣли отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, приказано было отдать въ воспитательный домъ, — всѣхъ въ возрастѣ свыше 12 лѣтъ мужскаго пола опредѣлить въ военные кантонисты, а женскаго пола взрослыхъ—постараться по возможности пристроить; прочихъ же, равно какъ и тѣхъ, коимъ нельзя будетъ доставить приличнаго житія, обратить въ воспитательный же домъ; начальству воспитательного дома поставить въ обязанность размѣщать означенныхъ подкидышей такъ, чтобы они росли и воспитывались подъ надзоромъ учрежденнаго начальства, а не отдавать ихъ въ стороннія руки; при чёмъ попечителю кладбища было объявлено въ объясненіе указанныхъ распоряженій, что такъ какъ онъ, согласно указу 1823 года 24 марта, подкидышей свыше 14 лѣтъ не пристраивъ, то правительство приняло само на себя обязанность пешись обѣ участіи сихъ сиротъ (¹).

Того же 1834 года 24 декабря указанныя распоряженія о подкидышахъ Преображенскаго кладбища были вѣсколько измѣнены и усилены, и именно, повелѣно было: всѣхъ подкидышей мужскаго пола, находившихся на кладбищѣ, считать военными кантонистами, съ исключе-

(¹) Тамъ же стр. 161—2.

чениемъ ихъ изъ ревизского счета по мѣщанскому сословію; подкидышей менѣе трехъ лѣтъ оставить на кладбищѣ, а по достижениіи трехлѣтняго возраста отправить ихъ въ воспитательный домъ; имѣвшихъ отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ отдать въ воспитательный же домъ, а по достижениіи ими шестнадцатилѣтняго возраста, отсылать ихъ въ военное вѣдомство, для помѣщенія въ учебные карабинерные полки, куда приказано было передать и всѣхъ, находившихся на лице на кладбищѣ, подкидышей, коимъ было 16 и болѣе лѣтъ; на будущее время всѣхъ подкидышей, кой будутъ принимаемы на кладбищѣ, вѣдно было считать военными кантонистами и поступать съ ними согласно съ изложеннымъ правилами; относительно подкидышей женскаго пола приказано было руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 26 мая (¹).

Хотя всѣ изложенные распоряженія властіи касательно дѣтей єедосѣвскихъ, жившихъ на Преображенскомъ кладбищѣ, имѣли въ виду главнымъ образомъ вышеупомянутое благоустройство кладбища, какъ богадѣлennаго дома, тѣмъ не менѣе они не могли не вліять и на самую доктрину московскихъ послѣдователей Ковылина. До тѣхъ поръ, пока дѣти, прижитыя блудомъ, могли свободно проживать въ пріютахъ кладбища, въ качествѣ его воспитанниковъ, или подкидышей, московскіе єедосѣвцы и єедосѣвки, согласно съ наставленіями своихъ наставниковъ, могли, не задумываясь много, оставаться безбрачными и развратничать — въ надеждѣ, что беззаконные плоды ихъ минимаго дѣствия найдутъ себѣ пріютъ и кромѣ Хапиловскаго пруда. Но когда, по силѣ указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, питомцамъ Прео-

(¹) Тамъ же стр. 172—3.

бражепского кладбища оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или „поступать на службу антихристу“, какъ думали фанатики о военной службѣ, или, для избѣжанія этой страшной участіи,—воспитываться на собственныя средства матерей, такъ какъ московскіе, равно и другіе, єедосвѣвцы не любили слишкомъ заботиться о своихъ „посестріахъ“ и рождавшихся отъ нихъ „ко-беличицахъ и таймичицахъ“, — многія изъ мнимыхъ дѣственницъ должны были серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ, думала краснощекая єедосвѣвская дѣвка, спѣвшая за ткацкимъ станкомъ на фабрикѣ какого-либо Гучкова и подобныхъ ему „кормильцевъ“, — теперь молода да легка, такъ вся „поди сюда“, а затяжелѣла, такъ и иду дружку надоѣла... Мужикъ, что ему? мужикъ—баловникъ, козель—мужикъ, похотникъ. Одна плоха, другую найдетъ: нашей сестры-то вездѣ довольно; рѣдкій, рѣдкій такой найдется, что своимъ дѣтямъ родительницу почтитъ, какъ слѣдуетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши, коли не хочешь въ Хапиловку; нѣть, наша жисть, бабыя бѣда, въ нашемъ званіи“⁽¹⁾. И начинали соображать подобныя неугомонныя головы, какъ бы лучше устроить имъ „судьбу свою“, и приходили онѣ къ одному заключенію — тому, что „въ бракѣ не въ примѣръ счастливѣе женщина“, чѣмъ „въ полюбовной связи“. Правда, и замужнія женщины лютъ иногда горячія слезы; но все же къ этимъ слезамъ о неудавшемся счастьѣ не прибавляется, по крайней мѣрѣ, мучительная забота о тепломъ углѣ и кускѣ хлѣба, а главное обѣ участіи дѣтей, которыхъ для порядочной матери за-

(1) „Съ людьми древнаго благочестія“ — Стебницкаго 1835 г. стр. 12—3.

мѣняютъ многое. И вотъ до тѣхъ поръ, пока попечители кладбища, при помощи подкупленныхъ агентовъ власти, находили возможнымъ уклоняться отъ исполненія приведенныхъ выше указовъ, скрывая на время обысковъ по деревнямъ и селамъ воспитывавшихся въ его приютахъ подкидышей, или даже возвращая ихъ вновь на кладбище изъ самаго воспитательнаго дома⁽¹⁾, отцы и матери этихъ мнимыхъ сиротъ еще не рѣшились предпринимать что-либо рѣшительное въ пользу свою и своихъ дѣтей и по прежнему оставались вѣрными кладбищенскому уставу о безбрачіи. Развѣ только иногдатолпы мастеровыхъ и рабочихъ, узнавъ, что прижитыхъ ими съ кладбищенскими и другими дѣвками дѣтей хотятъ отобрать „въ казну“, собирались на дворѣ кладбища и шумѣли, крича: „вотъ немилосердый царь грабить дѣтей у матерей“, о чемъ впрочемъ московскій оберъ-полиціймейстеръ не считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства, даже когда его спрашивали объ этомъ.

Такой порядокъ вещей продолжался однако же не долго. Послѣ ревизіи Преображенскаго кладбища гравомъ Строгоновымъ, который отыскалъ въ немъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, и указанный выше „отеческія завѣщанія“ и довелъ обѣ нихъ до свѣдѣнія покойнаго Государя Императора Николая Павловича, послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія, болѣе и болѣе стѣснявшія разгульную жизнь послѣдователей Ковылина. Такъ 8 декабря 1846 года было Высочайше утверждено мнѣніе Московскаго Секретнаго Совѣщательнаго Комитета, по которому дѣти „раскольниковъ“ Преображенскаго кладбища, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей

(1) Кельсіевъ. вып. 1, стр. 69—70.

только прижитыхъ въ брака⁴, признавались *незаконнорожденными*; а „матери ихъ, по случаю отверженія ими брака“, не имѣли права считаться „женами раскольниковъ Преображенской секты“ (¹). 18 апрѣля 1847 года, въ слѣдствіе „противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ московскаго Преображенскаго кладбища“, посыпало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи „Преображенскаго богадѣлennаго дома въдѣнію попечительного Совета заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ“, при чёмъ попечителемъ его былъ назначенъ графъ Строгоновъ, которому поручено было „немедля принять тотъ домъ въ свое завѣданіе и устроить въ немъ порядокъ управлениѧ, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы (?) сего заведенія“; въ то же время дозволено было, по усмотрѣнію попечительного совета, принимать въ Преображенскій богадѣлennyй домъ единовѣрцевъ и православныхъ „съ допущенiemъ и священниковъ для напутствованія и утѣшения страждущихъ“; это послѣднее распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы впослѣдствіи имѣть предлогъ „къ обращенію одной изъ часовенъ Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь“ (²). Въ 1850 году, независимо отъ общаго распоряженія о томъ, чтобы дѣтей всѣхъ вообще безпоповцевъ, а слѣдовательно и єедосѣвцевъ, показывать по ревизії въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ женами раскольниковъ не записывать, по вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ они приналежали по рождению,—Высочайше повелѣно было

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 461.

(²) Тамъ же стр. 471—8; Голосъ 1866 г. № 310.

графу Закревскому: крестильный домъ, находившійся на Преображенскомъ кладбищѣ, запечатать, уничтоживъ въ немъ крещальную,— не дозволять въ зданіяхъ кладбища не только новыхъ построекъ, но даже никакихъ починокъ, и строго наблюдать, чтобы на будущее время не было допускаемо на кладбищѣ „оказательства раскола и минимаго незаконнаго монашества“ (¹), которое, какъ извѣстно, всего болѣе выражалось въ безбрачіи преображенцевъ. Въ 1853 году послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія относительно Преображенского кладбища. Согласно съ этими повелѣніями, пріемъ на Преображенское кладбище раскольниковъ, достигшихъ 60 лѣтъ, не воспрещался впредь до усмотрѣнія, по—съ условіемъ, чтобы попечитель кладбища о каждомъ принимающемъ соискался предварительно съ московскимъ (или другимъ, смотря по мѣсту прежняго жительства принимааемаго) епархиальнымъ начальствомъ для удостовѣренія, не принадлежитъ ли онъ по своему рождению къ православію, или единовѣрію; при чмъ приказано было привести „въ точную извѣстность“ всѣхъ, жившихъ въ богоадѣльни и на Преображенскомъ кладбищѣ, раскольниковъ, съ показаніемъ противъ каждого: лѣтъ, пола, званія, мѣста рожденія, времени поступленія въ богоадѣленный домъ, или на жительство въ зданіяхъ кладбища; лицамъ, которымъ поручено было составить эти списки, объявлено было, что „за пропуски и упущенія они подвергнутся строжайшей отвѣтственности“; списки эти велико было повѣрять и дополнять и каждые полгода представлять въ двухъ экземплярахъ московскому военному генералъ—губернатору—одинъ для него, другой для сообщенія министру внутреннихъ дѣлъ;

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 540--1.

въ тоже время командированнымъ въ распоряжение графа Закревского чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ сдѣлано было описание и повѣрка по планамъ принадлежавшихъ Преображенскому кладбищу зданій⁽¹⁾. Наконецъ, когда и послѣ всего этого противозаконныя дѣйствія раскольниковъ Преображенского кладбища не прекращались, Государь Императоръ 21 декабря 1853 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) „Преображенскій богадѣлennyй домъ подчинить вѣдѣнію Совета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и ограничить значенiemъ благотворительного и притомъ времененнаго учрежденія, до смерти, выбытія или перемѣщенія, призрѣваемыхъ въ немъ, въ правительственный богоугодный заведенія; 2) призрѣваемыхъ, живущихъ въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ, называемыхъ кельями, внутри кладбищенскихъ оградъ, перевести въ зданіе богадѣлennаго дома, а самыя кельи снести; 3) по мѣрѣ уменьшенія числа призрѣваемыхъ, сосредоточивать ихъ по удобству и постепенно—сь тѣмъ,—чтобы, по очищеніи корпусовъ, закрыть ихъ, или дать имъ другое назначеніе; 4) призрѣваемымъ довольствоваться моленными, находящимися въ домахъ, въ коихъ они жительствуютъ; 5) запретить содержать наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ, дозволяя вирочемъ церковное пѣніе приходящимъ; малолѣтнихъ клирошацъ — до 16 лѣтняго возраста—возвратить въ семейства, а буде такихъ пѣть, то принять мѣры къ призрѣнію ихъ; взрослыхъ изъ числа иногороднихъ возвратить на родину, а московскимъ уроженцамъ воспретить жительство въ слободкѣ близъ кладбища; 6) принадлежащимъ къ безпоповщинской сектѣ дозволить приходить на мо-

(1) Тахъ же стр. 603—4.

литву, для погребенія и для панихидъ въ упомянутыя выше молебныя, но какъ для посѣщенія молебныхъ посторонними, такъ и для отлучекъ призрѣваемыхъ назначить часы съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ другіе часы никого изъ постороннихъ тамъ не было, а призрѣваемые находились бы на лице; 7) на содержание призрѣваемымъ назначить: а) проценты съ капитала, принадлежащаго кладбищу; б) добровольныя пожертвованія за погребеніе, за панихиды и т. п. — съ тѣмъ, чтобы подаянія ограничивались произволомъ каждого, но отнюдь не производились бы отъ какого-либо общества, или товарищества; при недостаткѣ средствъ, размѣщать призрѣваемыхъ въ заведенія, зависящія отъ Совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, или въ другія, по сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; продажу и всякую раздачу на кладбищѣ иконъ, книгъ, свѣчей и т. под. воспретить; в) завѣданіе домомъ и всѣми приходами и расходами поручить эконому и другимъ управителямъ — съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы не было безгласныхъ ни расходовъ, ни приходовъ; выборъ ихъ изъ числа призрѣваемыхъ поручить смотрителю, съ утвержденія Совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества; 8) опредѣленіе смотрителя и преподаніе ему инструкціи предоставить министру внутреннихъ дѣлъ; смотритель постоянно долженъ жить въ какомъ-либо помѣщеніи богадѣлennаго дома и получать содержаніе изъ суммъ министерства; 9) для введенія всѣхъ сихъ правилъ въ дѣйствіе и для приведенія въ точную извѣстность современнаго положенія раскольниковъ беспоповційской секты въ Москвѣ и ея окрестностяхъ командировать чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе тамошняго во-

енаго генералъ-губернатора; 10) бывшихъ старшинъ Преображенскаго богадылшаго дома, по существу преступковъ каждого изъ нихъ и по вредному вліянію, ими производимому, удалить главныхъ изъ Москвы, а мене вредныхъ оставить въ Москвѣ подъ приемотромъ мѣстнаго начальства⁽¹⁾.

Всѣ эти сильные и вмѣстѣ справедливые удары власти постигли Преображенское кладбище за то, что оно, какъ дознано было правительствомъ, „подъ личиною благотворительности распространяло расколь и своимъ возмутительнымъ ученіемъ способствовало разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву“⁽²⁾. И хотя много было употреблено богатыми едосѣвцами усилий къ тому, чтобы если не совсѣмъ остановить, такъ по крайней мѣрѣ отсрочить на неопределеннное время исполненіе указанныхъ Выбочайшихъ повелѣній, тѣмъ не менѣе ничто не помогло — ни интриги, ни подкупы, ни вопли о гоненияхъ, достигавшія самыхъ высшихъ сферъ общества⁽³⁾; отзывъ о покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ: „царь-то этотъ сильной натуры“⁽⁴⁾, данный петербургскимъ купцемъ Яковлевымъ агенту Преображенского кладбища еще въ 1826 году, оправдывался теперь въ очио Преображенцевъ. Не видя возможности избавиться отъ заслуженной кары закона, многие изъ самыхъ видныхъ членовъ Преображенского кладбища рѣшились принять единовѣріе⁽⁵⁾; другие, болѣе упорные и особенно про-

(1) Тамъ же стр. 614—616.

(2) Кельсіев. вып. 2, стр. 200.

(3) Тамъ же, стр. 189—190.

(4) Кельсіев. вып. 1, стр. 61.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 616; вѣдо департ. общ. дѣль министер. внутр. дѣл. № 212, 1854 г. л. 49 и 50.

тиводѣйствовавшіе устройству единовѣрія, и въ томъ числѣ Семенъ Кузминъ—самый вѣрный ученикъ Гнусина и горячай защитникъ безбрачія, удалены были изъ Москвы (¹); наконецъ въ 1854 году двѣ модернъи Преображенскаго кладбища обращаются въ единовѣрческія церкви (²). При такомъ положеніи дѣлъ, уже самъ собою рѣшился поднятый многими московскими ѿедосѣевцами, и особенно ѿедосѣевками, вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить имъ неудобоносимое бремя дѣвства. Предаваться по прежнему тайному разврату — въ надеждѣ, въ случаѣ беременности, найти пріютъ ребенку въ созданныхъ Ковылинымъ апартаментахъ Преображенскаго кладбища, стало теперь болѣе, чѣмъ неудобно. Топить незаконно прижитыхъ дѣтей въ Хапиловскомъ прудѣ, какъ исчадіе діавола, можно только дѣйствительному исчадію діавола, а не родной матери. Воспитывать сына, или дочь, на свои средства — тяжело да и „загорно“. И пришли послѣ всѣхъ этихъ разсужденій лучшія московскія ѿедосѣевки къ тому заключенію, что можно любить, но не иначе, какъ въ бракѣ, — да и въ такомъ, какой заключаютъ новожены ѿедосѣевскіе, и даже поморскіе, и который не сегодня — завтра можетъ быть разорванъ, по капрizu мнимаго мужа, которому съумѣла бы пригляднуться болѣе красива и молодая дѣственница, а въ бракѣ „церковномъ“, который хотя и незаконенъ „по вѣрѣ“, да за то крѣпокъ „по гражданству“. И тѣмъ легче могли придти московскія ѿедосѣевки къ желанію брака *церковного*, что въ то время,

(¹) Кеальєев. вып. 2. стр. 201; дѣло департ. обн. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 21.

(²) Свѣдѣн. о единов. церквяхъ. Москва, 1858 г. стр. 49; Правосл. Обозр. 1866 г. Май, стр. 118; Истор. очеркъ единов. М. С—го, 1867 г. стр. 157—161.

какъ наставники Преображенского кладбища своимъ изувѣрнымъ ученіемъ возбуждали въ нихъ отвращеніе къ безбрачію въ формѣ блуда,—а власть за это ученіе налагала на кладбище свою мощную руку,—правительство, какъ мы уже видѣли, стало строго преслѣдовать безсвященословные браки даже поморцевъ. Съ другой стороны сближенію съ Церковію многихъ московскихъ єедосвѣвцевъ, хотя бы только для освященія ея молитвами брачнаго союза, содѣйствовали сами прежніе вожди ихъ, рѣшившіеся принять единовѣріе. И вотъ, вопреки всемъ разглагольствіямъ наставниковъ кладбища о святости и спасительности дѣвственной жизни, являются въ концѣ прошлаго царствованія въ московской єедосвѣщеннѣ браки,—и притомъ — не въ формѣ только гражданскихъ союзовъ, заключенныхъ по взаимному согласію брачущихся, а браки церковные, которые совершились въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ. И въ подобные браки стали вступать, по выражению автора „от словія“, не только „низшаго сословія люди“, но и „почтенные и знаменитыя лица христіанскаго рода и благочестія“, и послѣдніе даже чапце, чѣмъ первые, такъ какъ на людей богатыхъ и занимавшихъ видное общественное положеніе было обращено преимущественное вниманіе правительства. Главною виною этого несчастія и „нечестія“, какъ выражается авторъ „от словія къ новоженамъ“, были „жены“, которыхъ, „изъ самыхъ обстоятельствъ видяще, сколь неблагонадежно, опасно и недѣйствительно“ вступать въ сожительства по одному взаимному согласію, „иначе и не соглашались, или очень рѣдко, итить“ въ дома своихъ возлюбленныхъ, которыхъ „дерзали прельстить“, какъ „съ вѣнчаніемъ“. Какъ сильно было это движеніе въ мо-

сковской єедосѣвщинѣ въ пользу брачной жизни, вызванное изложенными выше обстоятельствами, мы не знаемъ; но знаемъ, что и въ это время скрывались за стѣнами Преображенского кладбища личности, пользовавшіяся уваженіемъ большинства московскихъ єедосѣвцевъ, которыхъ по прежнему путь дѣвственныи въ жизни считали единственно законнымъ, разрѣшая въ то же время „падать и каяться“. Таковъ былъ, между прочимъ, недавно умершій Макаръ Ивановъ Стукачевъ, который, благодаря своему недугу, продолжавшемуся 38 лѣтъ, и терпѣнію, съ которымъ онъ переносилъ свое страдальческое положеніе, „заслужилъ, по выражению почитателей его, не простую и не обыкновенную почесть отъ многихъ, не только своихъ одновѣрцевъ, но и пновѣрцевъ“, и въ послѣдніе 25 лѣтъ былъ „неизримымъ руководителемъ“ московского єедосѣвства (¹), и который до конца дней своихъ требовалъ отъ всѣхъ єедосѣвцевъ безбрачія, хотя бы и не дѣвственаго. А потому неудивительно, если большинство московскихъ єедосѣвцевъ и въ разматриваемое нами время по прежнему продолжало гнушаться брака и вело жизнь развратную. И это не предположеніе только, а горькая правда, засвидѣтельствованная лицами, имѣвшими случай близко ознакомиться съ московскимъ єедосѣвскимъ расколомъ въ концѣ прошлаго царствованія. Въ 1854 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ чиновникъ (²) въ Москву для „приведенія въ извѣстность“ тогдашняго „положенія раскола безпоповщинской секты“ въ древней столицѣ, и вотъ что писалъ онъ о єедосѣвскомъ безбрачіи: „когда малолѣт-

(¹) „Истинѣ“, 1867 г. кн. 2, л. 62—74.

(²) Дѣйств. Ст. Совѣтн. Игнатьевъ.

ній начнетъ приходить въ возрастъ, старухи знакомятъ его съ своими же молодыми дѣвицами, только бы отклонить отъ женильбы и отъ связей съ православными женщинами; а чтобы не допускать браковъ и между своими, предоставляютъ юношамъ и дѣвицамъ всѣ случаи къ любовнымъ интригамъ и связямъ, полагая въ основаніе такой порочной жизни, что „не женившийся не чется о Господѣ, а женившийся — како угодити женѣ“, что неженатый и не замужняя всегда могутъ покаяться въ своемъ грѣхѣ, а обращившіеся не захотятъ до смерти оставить своего сожительства и плотскаго грѣха, присо-воюпляя къ тому писаніе основателя преображенскаго дома Ильи Ковылина, гдѣ сказано: „эта прелестъ цестра—пестра, зане сатанина сесгра“. При переходѣ же въ расколъ православныхъ, пріискиваютъ для молодаго мужчины молодую и хорошей наружности крестную мать, а молодымъ дѣвицамъ — не старыхъ и зажиточныхъ крестныхъ отцевъ, дабы они пригодились другъ другу въ любовныхъ интригахъ. За это духовные ихъ отцы не строго наказываютъ, особенно если такая связь будетъ скрытою. Люди же, знающіе всѣ подробности этого раскола, удостовѣряютъ, что при подобныхъ связяхъ за уничтоженіе дѣторожденія сильными и известными имъ медикаментами, или за умерицваніе окрепченаго уже ребенка, многіе духовные отцы даже одобряютъ, объясняя, что тайный грѣхъ тайно и судится, а умерицванный младенецъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испросить спасеніе и родителямъ. Если же кто-нибудь изъ раскольниковъ, соскучивъ порокомъ любодѣянія, или по любви къ одной какой-либо своей сектанткѣ, пожелаетъ любовь ея присвоить себѣ одному, въ такомъ случаѣ, при безуспѣшности всѣхъ средствъ къ

отклоненію молодаго раскольника отъ женильбы, старухи стараются сосватать ему любимую, или другую, но ихъ видамъ и по его желанію, невѣсту изъ своего толка, и свадьба устраивается безъ вѣнчанія, а однимъ прїѣздомъ невѣсты въ домъ жениха, при чмъ многіе привозили себѣ женъ въ посты, даже на первой и страстной недѣляхъ великаго поста. Родители удаляются отъ присутствія на этихъ свадьбахъ, чтобы не подвергнуться за допущеніе брака дѣтей установленной спитиміи — шестидневному посту и поклонамъ, чмъ подвергаются и сторонніе, участвовавшіе въ брачномъ торжествѣ⁴. Мало этого: какъ бы въ замѣнъ тѣхъ єедосѣвокъ, которая, гнушаясь разврата и не вѣря въ прочность сожительства — по одному взаимному согласію, не иначе рѣшались идти въ domы къ избраннымъ ихъ вниманіемъ мужчинамъ, какъ „съ вѣнчаніемъ“, образовалася около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ — изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось „письменное удостовѣреніе кровью изъ руки въ томъ, что она не видитъ брачное супружество“⁴. Невольно чувствуется грусть при встрѣчѣ съ подобнымъ изувѣрствомъ; за то тѣмъ большее сочувствіе возбуждаютъ къ себѣ разные Соколовы, Осиповы, Тихомировы и другіе московскіе купцы и мыщане — єедосѣвцы, которые, внявъ голосу совѣсти, или устрашась преслѣдованія власти, бросали єедосѣвское мнимое дѣство и вступали въ законные браки съ благословенія Церкви, за что изгнавались изъ своего общества, какъ зачумленные, и могли бывать въ прежнихъ своихъ моленныхъ только при совершеніи погребенія умершихъ, или при крещеніи. Число подобныхъ „отступниковъ“ отъ православія, какъ

величали ихъ бракоборцы, было не велико; но за то это были лучшіе люди московской ѿедосѣвщины, которыми сами вожаки бракоборцевъ старались впослѣдствіи „защитить свое общество отъ нареканій правительства и общественной печати за непріятіе браковъ“ ⁽¹⁾.

Если же мощная рука покойнаго Императора въ состояніи была поколебать московскую ѿедосѣвскую общину съ ея знаменитымъ Преображенскимъ кладбищемъ, то само собой понятно, что ѿедосѣвцы петербургскіе, бывши, такъ сказать, на глазахъ правительства, еще менѣе могли скрыть отъ власти свои злоупотребленія, а въ слѣдствіе этого еще болѣе должны были сосредоточить на себѣ ея вниманіе. А злоупотребленія петербургскихъ ѿедосѣвцевъ были тѣ же, какія замѣчены были правительствомъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, именно: отрицаніе брака и допущеніе въ слѣдствіе этого блудной жизни и дѣтоубійства, и затѣмъ исповинованіе власти и отрицаніе молитвы за нее ⁽²⁾. Эти-то пункты ѿедосѣвскаго ученія, замѣченные правительствомъ собственно въ петербургской ѿедосѣвщинѣ Волковскаго кладбища, и были причиной того, что съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра 1-го власть стала постоянно и зорко слѣдить за этой сектой, и притомъ, какъ увидимъ ниже, не только въ столицахъ, но и въ другихъ городахъ, въ которыхъ ѿедосѣвцы составляли наибольшій процентъ въ населеніи раскольническемъ. Петербургскіе ѿедосѣвцы имѣли въ столицѣ въ разматриваемое нами

(¹) Дѣло департ. общихъ дѣлъ. 1854 г. № 212; Петер. минист. внутр. дѣлъ. кн. 8, стр. 635—6; „Историа“, 1867 г. кн. 2, л. 71 об. и. 72.

(²) Бельсіевъ вып. 4, стр. 235.

время слѣдующія заведенія: богадельню и моленную, называвшуюся Косцовой и находившуюся въ З адмиралтейской части; моленную съ богадельней, называвшуюся Зеленковой и находившуюся въ Рождественской части на Малоохтенскомъ проспектѣ⁽¹⁾; богадельню, больницу, моленную и кладбище, находившіяся въ Охтенской части и называвшіяся Димитріевскими,—наконецъ мужскую и женскую богадельни съ двумя моленными и кладбищемъ, называвшіяся Волковскими и находившіяся въ каретной части на Волковомъ кладбищѣ⁽²⁾. На эти-то заведенія петербургскихъ єедосѣвцевъ правительство главнымъ образомъ и обратило свое внимание. Еще въ 1820 году, по поводу открытыхъ петербургскою полицею разнаго рода злоупотреблений между єедосѣвцами Волковского кладбища, были изданы слѣдующія распоряженія относительно раскольниковъ этой секты: 1) „гражданское правительство должно обращать вниманіе на все то, что въ дѣйствіяхъ раскольниковъ єедосѣвской секты заключаться можетъ противозаконнаго, посему 2) полиція должна неослабное наблюденіе имѣть, чтобы лица, живущія въ домахъ кладбищенскихъ раскольническихъ обществъ, или, иначе, стеченіе людей заключающихъ, имѣли неизрѣбно: а) узаконенные паспорты; б) опредѣленный родъ жизни, заключающейся или въ честномъ ремеслѣ, или въ извѣстномъ промыслѣ, и в) постоянное занятіе дѣломъ своимъ; 3) люди безпаспортные, или съ ложными и разнообраз-

(1) Въ истор. мкн. внутр. дѣл. (кн. 8) въ одномъ месте (стр. 293) обѣ эти холенныя называются филипповскими, а въ другомъ (стр. 402)—єедосѣвскими; справедливо послѣднее мнѣніе (собр. пост. по ч. раск. 1855 г. стр. 473; сборн. для истор. стар. т. 2, вып. V стр. 187 прилож.).

(2) Истор. мкн. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 402.

ными видами живущіе въ раскольническихъ обществен-
ныхъ домахъ; или частно у кого—нибудь изъ нихъ,
должны быть немедленно задержаны, для поступлениі
соответственно законамъ о беспаспортныхъ, бѣглыхъ,
бродягахъ и людяхъ подозрительныхъ изданнымъ; 4) жен-
щины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, а наипаче мо-
лодыя, живущія въ сихъ общественныхъ домахъ, не
должны быть въ нихъ терпимы и подлежать къ раз-
сылкѣ къ родственникамъ своимъ (кто ихъ имѣть),
или въ мѣсто ихъ рожденія, или отколь онѣ въ сіи
общественные дома зашли; 5) строгое наблюденіе быть
должно за послѣдствіями незаконнаго рожденія, обна-
руживающаго подкиданіе дѣтей и убийство оныхъ
рождающими ихъ дѣвками; обязанность полиції--тако-
вые пагубные поступки обнаруживать и виновныхъ
отдавать суду; 6) полиція не оставить имѣть надлежа-
щаго наблюденія, дабы какъ въ общественныхъ рас-
кольническихъ заведеніяхъ, такъ и частно въ домахъ
ихъ исполняемы были обязанности, возложенные вообще
на всѣхъ жителей, дома имѣюющихъ: объявлять о при-
былыхъ и убылыхъ людяхъ, о видахъ ихъ, занятіи,
времени пребыванія и пр.; посредствомъ сего прекра-
щены быть могутъ злоупотребленія, нынѣ нерѣдко по
пристаниодержательству раскольниками бѣглыхъ, или лю-
дей соблазнительныхъ, отбывающіяся; 7) обязанность
полиціи будетъ имѣть поименный списокъ всѣхъ тѣхъ
лицъ, кои при бегадѣлленыхъ и иныхъ общественныхъ
раскольническихъ домахъ находиться будутъ, повѣрять
виды ихъ, удостовѣряться въ первыхъ числахъ каждого
мѣсяца о убыли, или прибыли въ нихъ и проч.; 8) об-
ратить вниманіе на больныхъ, оставляемыхъ расколь-
никами безъ всякой помощи и доставлять имъ нужное

пособіе посредствомъ помѣщенія ихъ въ больницы приказовъ общественнаго призрѣнія, или употреблениемъ на мѣстахъ жительства ихъ врачей; по исцѣленіи же таковыхъ, обращать ихъ въ мѣста, гдѣ они по законамъ находиться должны". Всѣ эти правила были направлены къ тому, чтобы показать, что єедосѣевцы "не преслѣдуются за мнѣнія пхъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, безъ всякаго впрочемъ публичнагооказательства ученія и богослуженія своей секты, но что ни подъ какимъ видомъ не должны они уклоняться отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, закономъ опредѣленныхъ" (1).

Не смотря впрочемъ на указанныя правила, петербургскіе єедосѣевцы не стѣснялись въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Такъ напр. въ 1829 году дошло до свѣдѣнія святѣйшаго синода, что моленная Косцова не только совращала въ єедосѣевскую секту православныхъ, но даже, неизвѣстно какими путами, выхлопотала себѣ у свѣтскаго правительства право на это. И хотя св. синодъ распоряженіе военнаго генералъ-губернатора, дозволившаго петербургскимъ раскольническимъ моленнымъ завести у себя книги для записи въ нихъ, между прочимъ, и "вступавшихъ въ расколъ отъ греко-rossiйской Церкви", призналъ незаконнымъ и требовалъ "немедленно отмѣнить оное" (2), — тѣмъ не менѣе и послѣ того пропаганда петербургскихъ єедосѣевцевъ въ пользу ихъ вѣрованій не прекращалась. Такъ въ 1840 году правительство само заявляло, что єедосѣевская секта, не смотря на то, что она была

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 62—5.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. чи. 2, стр. 229—233.

признания „весьма вредною для общества“ еще въ 1820 году, „болѣе и болѣе распространяется“ въ столицѣ; въ слѣдствіе этого еще въ 1839 году Высочайше повелѣно было—„обратить вниманіе на находившуюся въ Петербургѣ раскольничью моленную Косцова“. И хотя свѣдѣнія, собранныя въ 1839 году обѣ означенной моленной петербургскою полиціею, были крайне невѣрны (¹) и благопріятны ѿедосѣвцамъ, тѣмъ не менѣе секретный комитетъ о раскольникахъ, которому поручено было разсмотрѣніе этихъ свѣдѣній, взглянувъ на дѣло иначе и журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 25 день ноября 1840 года, положилъ:

1) духовное завѣщаніе купца Апарина, коимъ онъ предоставилъ купленный имъ у мѣщанина Петрова З адмиралтейской части во 2 кварталѣ домъ во владѣніе раскольническаго общества, законнымъ непризнаваемаго, считать недѣйствительнымъ и отдать помянутый домъ (въ которомъ помѣщалась моленная Косцова) со всею при немъ землею въ распоряженіе его законныхъ наследниковъ; 2) обративъ такимъ образомъ сей домъ во владѣніе того, кому по закону онъ принадлежитъ, существующему въ немъ моленную и богадѣльню, произвольно раскольниками заведенные и какъ уже неумѣстные, закрыть, оказавъ престарѣлымъ, дряхлымъ и

(¹) Вотъ что напр. писалъ воинский генераль-губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ о ѿедосѣвцахъ моленной Косцова, разумѣется, со словъ позиціи: „все они исповѣдуютъ св. единосущную и яснодѣйную Троицу, и поклоняются св. животворящему Кресту и вѣти св. иконаамъ, за Государя Императора и за всю Царскую фамилию молятся; раскольники сіи вѣданія и таинства древлеправославной греко-российской Церкви вѣвъ безъ изъятия пріемлютъ и за святое считають; божественную же службу отправляютъ по древлепечатнымъ книгамъ, искъ была сначала ихъ предками отправляема, безъ всякаго измѣненія, но святыя иконы не пріемлютъ. вновь же никакого учительства не распространяютъ“ (Дѣл. департ. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 3 и 4).

одержимымъ неизлечимыми болѣзнями должное призрѣніе въ другихъ существующихъ благотворительныхъ заведеніяхъ; колокола же, при сей моленной находящіеся, какъ принадлежность православныхъ церквей, передать въ вѣдѣніе С.-Петербургской духовной консисторіи. При этомъ подтверждено было „мѣстному губернскому начальству“, чтобы оно строго соблюдало изданія въ 1820 году правила относительно петербургскихъ єедосѣвцевъ и „съ бдительнымъ надзоромъ“ сѣдило за тѣми изъ нихъ, кои жили въ кладбищенскихъ домахъ—Волковскомъ и на Малой Охтѣ, не дозволяя „вновь учреждать подобныя раскольническія заведенія, а существующія—распространять новыми зданіями“ (1). Въ этомъ распоряженіи, которымъ моленная Косцова обрекалась на уничтоженіе, а єедосѣвскія заведенія на Волковомъ кладбищѣ и на Малой Охтѣ подчинялись строгому полицейскому надзору, ни слова не говорится о єедосѣвской моленной, которая была известна подъ импемъ Зеленковой и находилась на Малоохтенскомъ проспектѣ въ Рождественской части. Это—потому, что еще въ 1833 году домъ Зеленкова, въ которомъ находилась моленная, вмѣстѣ съ землею переданъ быть, по распоряженію правительства, признавшаго завѣщаніе Зеленкова недѣйствительнымъ, наследницѣ Зеленкова—княгинѣ Шаховской, въ слѣдствіе чего моленная съ багадѣльней потеряли свое прежнее значеніе и наконецъ, благодаря переходу этого дома отъ одного владѣльца къ другому,—такъ какъ княгиня Шаховская передала домъ и землю по купчей крѣпости мѣщанину Терентьеву, а этотъ послѣдній—купцу Зиновьевскому,—совершенно

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 380—2.

прекратила свое существование⁽¹⁾. Той же участи подверглась, въ силу вышеприведенного постановления, и моленная Косцова, несмотря на весь стараний Федосьевцевъ—пріостановить исполнение Высочайше утвержденного мнѣнія секретнаго комитета. 13-го ноября 1842 года моленная была запечатана; а потому, когда правительство узнало, что Федосьевцы снова стали собираться сюда для молитвы, избравъ для этого иѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ,—моленная была совершенно уничтожена (въ 1848 г.) и иконостасъ сломанъ (въ 1849 г.), а находившіеся при ней богадѣлены, несмотря на предложеніе со стороны правительства—перейти въ городскія заведенія приказа общественнаго призрѣнія,—всѣ разошлись или на родину—въ губерніи, или помѣстились у своихъ родственниковъ въ Петербургѣ⁽²⁾. И хотя покойный Государь Императоръ, соглашаясь на уничтоженіе моленной Косцова, выразилъ опасеніе, чтобы при закрытіи ея не произошло какихъ-либо „безпорядковъ“ со стороны раскольниковъ, такъ какъ домъ, въ которомъ помѣщалась моленная, находился „среди самого многолюднаго стеченія народа“⁽³⁾,—тѣмъ не менѣе дѣло обошлось безъ всякаго сопротивленія со стороны заблуждающихъ⁽⁴⁾—къ искренней радости петербургской полиціи.

Въ то время, какъ правительство обсуждало мѣры къ искорененію беспорядковъ въ моленной Косцова, имъ замѣчены были „противозаконныя и вредныя дѣйствія раскольниковъ“ и въ Федосьевскихъ богадѣльняхъ,

(1) Тамъ же стр. 146; ист. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 406—7.

(2) Дѣл. дѣпарт. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 190—244, собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 404.

(3) Собр. посег. по ч. раск. 1858 г. стр. 383—4.

(4) Смес. истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 638.

находившихся на Волковомъ кладбищѣ. Всѣдѣствіе этого 18 апрѣля 1847 года сскретный комитетъ съ Высочайшаго соизволенія опредѣлилъ: „въ видахъ учрежденія порядка, въ законахъ постановленнаго о частныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, находящихся въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ богадѣльни подчинить вѣдѣнію здѣшняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія“, — на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ подчинено было вѣдѣнію того же совѣта въ Москвѣ Преображенское кладбище. Попечителемъ волковскихъ єедосѣевскихъ богадѣльнь былъ назначенъ членъ попечительнаго совѣта сенаторъ Жемчужниковъ (¹), которому поручено было завѣдываніе и поморскими богадѣльнями, какъ это мы уже видѣли.

Въ 1850 году доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія „о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ, жившихъ въ Малоохтенскихъ богадѣльняхъ єедосѣевскаго согласія“. Съ цѣлію положить конецъ злоупотребленіямъ здѣшнихъ єедосѣевцевъ, Государь Императоръ, 28 апрѣля того же 1850 года, Высочайше повелѣть соизволилъ — подчинить вѣдѣнію попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія и Малоохтенскія єедосѣевскія богадѣльни, по примѣру волковскихъ, причемъ завѣданіе этими богадѣльнями возложено было на того же сенатора Жемчужникова (²); а 8 декабря того же года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещалось на будущее время принимать на призрѣніе въ столичныя раскольническии богадѣльни не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ; это — съ тою цѣлію, чтобы современемъ, когда изъ богадѣльнь

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. 473—477.

(²) Тамъ же стр. 530.

мало по малу выбудутъ всѣ призрѣваемые, можно было уничтожить эти богоадѣльни совершенно; для этого попечителю богоадѣлень вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ именные списки о лицахъ, проживавшихъ въ богоадѣльникахъ, и о всякой, по какому бы ни было случаю проишедшей, убыли въ личномъ составѣ призрѣваемыхъ⁽¹⁾. Наконецъ, когда, вслѣдствіе этого распоряженія, число призрѣваемыхъ въ Малоохтенской єедосѣевской богоадѣльни уменьшилось до значительной цифры, они были переведены въ 1852 году въ волковскую єедосѣевскую богоадѣльню, причемъ имущество Малоохтенской богоадѣльни и моленой и денежныя суммы были присоединены къ собственности волковской богоадѣльни, богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, переданы были „на распоряженіе духовнаго начальства — съ тѣмъ, чтобы предметы, противные ученію церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а не вредные, составлявшіе частную собственность, возвращены были по принадлежности“; самая же моленная Малоохтенская (єедосѣевская) сперва была запечатана, а за тѣмъ и совершенно уничтожена, при чемъ всѣ зданія и постройки, находившіяся при ней, переданы были въ вѣдѣніе попечительного совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ⁽²⁾; а въ декабрѣ того же 1852 года упразднено было и єедосѣевское кладбище на Малой охтѣ, при чемъ єедосѣевцамъ дано было право хоронить тѣла умершихъ своихъ единомышленниковъ на волковскомъ кладбищѣ⁽³⁾. Послѣднее распоряженіе касательно єедосѣевскихъ за-

(1) Тамъ же стр. 555.

(2) Тамъ же стр. 571—573.

(3) Тамъ же стр. 578.

веденій въ Петербургѣ относится къ 1853 году и состояло въ томъ, что волковскимъ раскольническимъ богадѣльямъ—“съ цѣлію духовно-правственнаго дѣйствованія на заблуждающихъ” дано было „значеніе обыкновенной городской богадѣльни на законномъ основаніи“, подъ главнымъ завѣдываніемъ сенатора Жемчужникова, въ помоць которому командированъ былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ тоже время дозволенъ былъ пріемъ въ означенныя богадѣльни и лицъ православныхъ, для которыхъ одну изъ ѿедосѣвскихъ молелень велѣно было обратить въ православную церковь „съ опредѣленіемъ къ ней особаго священика“; наконецъ и зданія закрытой еще прежде Малоохтенской ѿедосѣвской богадѣльни переданы были въ распоряженіе совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества—съ тѣмъ притомъ, чтобы на мѣстѣ одной изъ бывшихъ тамъ молелень также устроена была церковь (¹).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, всѣ моленные и другія заведенія петербургскихъ ѿедосѣвцевъ, за исключеніемъ одной волковской молельни съ богадѣльнею, были или уничтожены, или лишены раскольническаго характера и обращены въ обыкновенную городскія богоугодныя учрежденія, а за самими ѿедосѣвцами усиленъ былъ надзоръ полиціи. А послѣ этого не трудно понять, какъ должна была въ указанное время отнестись къ вопросу о бракѣ петербургская ѿедосѣвщина. Понимая, что главной причиной всѣхъ невзгодъ, какія съ 1820 года стали постигать послѣдователей Крестецкаго дьячка, было изувѣрное ученіе Гнусина, которое имѣли неблагоразуміе

(¹) Тамъ же стр. 607—8.

усвоить и приложить къ своей жизни нѣкоторые изъ столичныхъ учениковъ „премудраго Феодосія“, петербургскіе федосьевцы, и прежде, благодаря особымъ условіямъ жизни столичной—на глазахъ правительства, смотрѣвшіе на брачную жизнь довольно снисходительно (¹), теперь должны были еще болѣе убѣдиться въ томъ, что учение о всеобщемъ дѣствіи—хорошо, да только тяжело и—главное—не безопасно. А слѣдствіемъ такого убѣждѣнія было то, что, за исключеніемъ федосьевскихъ наставниковъ и тѣхъ лицъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которые питались крупицами своихъ благодѣтелей и кормильцевъ, или жили въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ на счетъ подаяній разныхъ благотворителей, и поэтому обязаны были строго соблюдать правила своей секты, остальные столичные федосьевцы мало по малу стали сближаться въ ученіи о бракѣ съ поморцами, и, по примѣру ихъ, начали обзаводиться семьей. Въ 1829 году моленная Косцова уже хлопочетъ предъ свѣтскимъ правительствомъ о разрѣшеніи ей—имѣть метрическія книги—для внесенія въ нихъ, между прочимъ, и „бракосочетавшихся“ (²). А потомъ, когда эта попытка не удалась, петербургскіе федосьевцы рѣшились вступать въ безсвященнословные браки, по обрядамъ поморской секты, и стали вѣнчаться въ Малоохтенской поморской часовнѣ (³). Такъ, между прочимъ, вступила въ бракъ (въ 1836 г.), какъ мы уже видѣли, дочь известнаго вожака петербургскихъ федосьевцевъ, купца 1-й гильдіи Абрама Яковлева, съ купцемъ Се-

(¹) Христ. Чт. 1867 г. ч. 1, стр. 944—951; ч. 2, стр. 1007—8.

(²) Собр. пѣст. по ч. раск. 1860 г. кн. 2 стр. 229—233.

(³) Въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть свѣдѣнія о томъ, будто вѣнчаніе раскольническихъ браковъ совершалось въ 30-хъ годахъ даже въ Малоохтенской федосьевской моленной (Дѣл. департ. общ. дѣль 1839 года № 77 лист. 56—7); но это позвестіе едва ли справедливо.

меновыми⁽¹⁾. Принимая во внимание то обстоятельство, что Яковлевъ, пользуясь расположениемъ многихъ въ Петербургѣ, былъ въ тоже время главою и руководителемъ столичной юдосъевщины, за совѣтами къ которому обращалось само Преображенское кладбище⁽²⁾, можно понять, какое вліяніе на петербургскихъ бракоборцевъ должно было произвестъ торжественное бракосочетаніе его дочери въ поморской часовнѣ. Наконецъ, когда правительство обратило (съ 1839 г.) свое вниманіе на беззаконнословные, или сводные, браки беспоповцевъ и стало преслѣдовать ихъ, когда въ сльдъ за тѣмъ вѣчаніе браковъ въ Малоохтенской поморской часовнѣ сдѣлалось болѣе, чѣмъ затруднительнымъ, когда наконецъ въ 1842 году юдосъевцы, за отверженіе ими брака и молитвы за царя, были причислены властю къ „вреднѣйшимъ сектамъ“⁽³⁾, — петербургскіе юдосъевцы, какъ люди, дорожившіе хорошимъ о себѣ мнѣніемъ и желавшіеничѣмъ не отличаться (по вышности) отъ православнаго общества⁽⁴⁾, стали не только вступать въ браки, но даже вѣчаться въ единовѣрческихъ и православныхъ церквяхъ, разумѣется, оставаясь въ тоже время послѣдователями „древняго благочестія“ и неся за свой невольный грѣхъ разнаго рода эпигиміи, по указанію и настоянію наставниковъ, большинство которыхъ впрочемъ потворствовало увлеченіемъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ учениковъ и сквозь пальцы смотрѣло даже на тѣхъ изъ нихъ, кои „брачились съ дѣтьми антихристовыми“, т. е. вступали въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія.

И. Нильскій.

(1) Христ. Чт. 1869 г. іюнь, стр. 865.

(2) Кельсіев. вып. 1, стр. 60—1.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 409.

(4) Сборн. для истор. старообр. т. 1, стр. 27—8; 52—3.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки